

Секция 4

ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ОТ КОНТРАСТА ЦИВИЛИЗАЦИЙ К ЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ ЕДИНСТВУ

23 мая 2008 г. СПбГУП, ауд. № 522

Руководители секции:

ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ Андрей Геннадьевич — директор Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор;

ХАБРИЕВА Талия Ярулловна — директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), главный редактор «Журнала российского права», доктор юридических наук, профессор;

ШЕМШУЧЕНКО Юрий Сергеевич — директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Киев, Украина), зарубежный член РАН, доктор юридических наук, профессор

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Программой секции определены основные вопросы, подлежащие рассмотрению, однако в ходе работы могут подниматься и обсуждаться и другие актуальные вопросы. Я предлагаю перенести обсуждение проблемы диалога культур в область права, которому в настоящий момент отводится двоякая роль. В области теоретической юриспруденции получил широкое применение институт правовой культуры, в рамках которого объединяются юридическая форма права, правосознание и юридически значимое поведение. Однако оценка поведенческого компонента позволяет говорить о низком уровне правовой культуры, порой граничащей с правовым нигилизмом, который в настоящий период и в Украине, и в России, приобретает общесоциальный характер, что ведет к снижению эффективности правового регулирования как внутри государства, так и в области международных отношений. Конечно, на данном этапе на развитие различных правовых систем широкое влияние оказывают идеи гуманизма. Это непростой процесс, здесь возникает довольно большое количество различных проблем как теоретического, так и практического характера. Но, наверное, задача именно юристов, правоведов — направить этот процесс в русло гуманистического развития правовых систем и права в целом. Понимание права как явления общесоциальной культуры и вместе с тем рассмотрение правовой культуры как комплекса, объединяющего нормативную, психологическую и поведенческую составляющие правовой и социокультурной реальности, являются идейно-теоретическим основанием концепции правового обеспечения диалога культур. В рамках данной концепции я считаю возможным рассматривать право в качестве инструмента межкультурного взаимодействия. При этом право выходит за рамки, определенные национальными правовыми системами, и приобретает качества регулятивно-охранительной системы наднационального уровня. В структуре «наднационального» права входят отрасли, ко-

торые объединяют в себе нормы и принципы внутригосударственного законодательства и международного права. К числу таких отраслей, по моему мнению, могут быть отнесены, например, космическое и экологическое право. Названные отрасли представляют собой качественно новые правовые образования, внедрение которых в практику межкультурного взаимодействия направлено как на создание условий сохранения человеческой цивилизации в обозримом будущем, так и на обеспечение поступательного развития человечества в области научно-технического прогресса.

Часто международное право зависит от того, как оно трактуется международным сообществом. Думаю, очень важно, чтобы именно широкая юридическая общественность и ученые-юристы подчеркнули значимость данных процессов и задали направления их развития. Мне представляется необходимым отойти от классического понимания примата международного права, когда через имплементацию норм международного права должно развиваться внутреннее законодательство. Полагаю, что в современный период ситуация несколько изменилась: прослеживается как влияние международного права на внутреннее законодательство различных стран, так и повышение влияния внутреннего законодательства на развитие международного права. Несмотря на то что этот аспект выпадает из поля зрения наших правоведов, он имеет принципиальное значение. Я хотел бы это продемонстрировать на конкретном примере. Космическое право начало развиваться в 1960–1970-е гг., после того как были запущены первые искусственные спутники Земли. Тогда единственным субъектом космических отношений выступали государства. Под этим углом зрения и сформировалось международное космическое право. Однако практика отдельных государств во многом шла другим путем, а именно путем признания на национальном и международном уровне в качестве субъектов космических отношений не только государств, но и других

юридических и физических лиц. Известно, что большинство договоренностей на сегодня, по сути, предполагает сотрудничество частного элемента в исследовании и использовании космического пространства. То есть практика государств в развитии национального космического законодательства подталкивает к тому, чтобы были приняты новые нормативные правовые акты. Для этого, с моей точ-

ки зрения, необходимо сесть за стол переговоров и провести широкую международную конференцию (такой в свое время была конференция по Международному морскому праву) и принять соответствующую всеобъемлющую конвенцию по космическому праву. Это одна из форм ведения диалога цивилизаций, позволяющая принять конкретные правовые решения.

Е. М. Астахов¹

МИРОВАЯ ПРАКТИКА КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Когда я учился в МГИМО, наш преподаватель — светило международного права — говорил, что международного права нет. Есть право силы, право национальных государственных интересов. За более чем 35 лет дипломатической службы я убедился в этом не раз. Международное право — это только для аргументации, для конференций, для обоснования позиции той или иной страны. В своих действиях государства руководствуются так называемой культурной дипломатией, и именно это явление я бы хотел обсудить с вами.

В принципе культурной дипломатией занимаются все страны, особенно западные. Смысл и основная задача культурной дипломатии — продвижение своих интересов, пропаганда своего образа жизни, национальных достижений, а самое главное — решение геополитических задач данной страны. Межцивилизационный диалог не может обойтись без культурной дипломатии. Однако бессмысленно искать культурную дипломатию в западных странах. В своих действиях они руководствуются не так называемой «национальной идеей» (вещь, которой уже много столетий болеет наше общество), а чисто прагматическими интересами.

Традиционно активны на поприще культурной дипломатии французы. Широко известный «Альянс Франсез» является, по сути, государственным органом, координирующим всю работу по продвижению языка и культуры этой страны. Истоки этих задач прослеживаются еще в XVII в., когда французская дипломатия стала законодательницей мод. Именно в этот период французский язык начинает использоваться в качестве главного средства международного общения и дипломатической переписки. Несмотря на все изгибы своей истории, Франция сумела сохранить преемственность в политике продвижения своей культуры. Сегодня «Альянс Франсез» имеет свои отделения практически во всех столицах мира, а также во многих провинциальных городах.

Основные функции этих центров — организация курсов преподавания французского языка; преподавание французского языка и литературы в высших учебных заведениях; проведение выставок, кинофестивалей, встреч с молодежью и т. д. Значителен объем информационной работы по пропаганде французского образа жизни, достижений этой страны в разных областях, ее культуры. Эф-

фективной формой работы с местными культурными кругами является награждение их представителями Почетного легиона, предоставление грантов и т. д.

Основное финансирование поступает из госбюджета. Часть средств обеспечивается доходами от курсов французского языка.

Аналогичные методы практикуют и другие западноевропейские страны — Германия (Институт Гёте), Испания (Институт Сервантеса), Англия (Британский совет). С большим размахом действует Информационная служба США (USIS). Новый игрок в мировой культурной дипломатии — Пекин. В качестве главного рычага используются китайские диаспоры, которые быстро растут в количественном и экономическом отношении. Уже сегодня они представляют собой серьезную опору для дальнейшего укрепления внешних позиций Китая.

В чем же основные черты культурной дипломатии России?

В советские времена при всех идеологических ограничениях, которые подчас негативно влияли на проведение культурной дипломатии, эта работа все-таки была поставлена на государственный уровень и на государственное финансирование. Задачи выполняли Совэкспортфильм, АПН, ТАСС, отделения ССОД, посольства.

После 1991 г. культурная дипломатия, культурная работа, пропаганда практически не осуществлялись. Задачи были совершенно другие: нужно было срочно брать власть, ломать всю старую систему, овладеть материальными и природными ресурсами страны, строить капиталистическое, причем на либеральных основах, новое общество, нельзя было терять ни минуты, нельзя было допустить отката назад.

По существу, в 1990-е гг. прекратили существовать все государственные структуры внешней пропаганды и распространения культуры вовне. Да и государство в целом значительно ослабло, исчезла государственная идеология, потерялись общенациональные цели, размылось национальное самосознание. Национальные цели и ценности конвертировались в задачи укрепления политической власти и приватизации государственной собственности. Внятная внешняя политика ушла на второй план, а о культурной дипломатии вообще забыли как о чем-то ненужном.

К культурной дипломатии стали вновь обращаться лишь в XXI в. Однако во многом это внимание носило риторический характер и было направ-

¹ Профессор Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

лено скорее на внутреннее, а не на внешнее потребление. Тем не менее положительные сдвиги уже очевидны. Звучит тема необходимости культурной работы за рубежом. Воссозданы, хотя и под другими названиями, некоторые прежние структуры. К этой работе подключаются полугосударственные и частные фонды.

В то же время остается множество нерешенных проблем, например такой чувствительный для российского самосознания вопрос, как положение соотечественников за рубежом. Соотечественники — это очень широкое понятие. Огромное количество русскоязычных и русскодумующих людей по разным причинам оказались за пределами нынешних административных границ Российской Федерации. Возникает вопрос, какую политику следует проводить по отношению к этим людям.

Полемика на этот счет очень противоречива. До последнего времени в части российской элиты сохранялся так называемый «беловежский» подход. Он заключался в том, что бывшие соотечественники являются частью населения суверенных государств, и ответственность за их права и судьбы лежит на руководстве этих стран. Такая «политкорректная» политика и сейчас поддерживается либеральным крылом российских политиков, кстати, либеральное крыло есть и в нашем правительстве. Такая политика демонстрирует победу прагматизма над, как говорят на Западе, «фантомами империалистического наследия». Однако их тревожит официальная риторика, которая носит «неоимпериалистический» характер. «Прагматизм» российских элит устраивает и руководство новообразованных государств. Это дает им возможность беспрепятственно решать свои стратегические задачи: укрепление государственности, закрепление «навечно» бывших административных границ, которые вдруг стали государственными, силовое распространение «титульного» языка на все, в том числе среди русскоязычного населения, его информационная блокада, ограничение влияния православной церкви, и прежде всего Московской патриархии.

В практическом плане решать проблемы русскоязычного населения на постсоветском пространстве непросто, даже в случае наличия соответствующей политической воли. В последние годы со стороны российского руководства предпринимаются попытки воспрепятствовать политике ассимиляции русскоязычного населения в ближнем зарубежье. Но дальше увещеваний дело не идет.

Причин такой линии несколько.

1. При всех очевидных экономических успехах Россия пока недостаточно сильна, чтобы ее озабоченность принималась во внимание как в ближнем зарубежье, так и на Западе в целом.

2. Значительна зависимость России от мировой экономики. Наряду с плюсами участия в процессах глобализации видны и минусы. Главное: Россия пока не может обеспечить свою экономическую безопасность. Так, Москва на 80 % зависит от импорта продовольствия и примерно на 85 % от импорта

лекарств. Любое проявление политической воли нашего руководства может привести к экономической блокаде — к замораживанию счетов. Много разговоров насчет стабфонда — где они размещены, где они размещены? Пока де-факто в американских ценных бумагах класса 3-А. Ну хорошо — 4-А, а что дальше — практика Югославии, или Ирака, или Ирана? Любое резкое движение с нашей стороны может привести к замораживанию этих счетов, средств стабфонда, размещенных в самых, как говорит Кудрин, «надежных» бумагах современного мира.

3. Любые попытки на официальном уровне реально защитить права российских диаспор на постсоветском пространстве немедленно будут пресекаться Западом. Они уже пресекаются, и это видно в реальной работе политиков, дипломатов, спецслужб. Все те, кто занимается конкретной практической работой, это знают, и знают в деталях. Не допустят они возрождения «имперской» России. Могу вас уверить, что сами бы США и ведущие страны Евросоюза действовали бы совсем по-другому, если бы оказались в нашем положении. Практика американцев совершенно очевидна: и в истории немало примеров того, как они действуют — вплоть до применения военной силы.

В целом, культурная дипломатия находится в поле зрения российского политического руководства. Однако государственная политика на этот счет пока не выработана. Нет соответствующей статьи бюджета, выделяемые средства незначительны и «одноразовы». Нет единого координационного центра, направляющего и контролирующего деятельность недавно созданных структур.

Постановка задач культурной дипломатии невозможна без определения общенациональных целей. Одного развития экономики для российского менталитета мало. Россия всегда нуждалась в развитии, прежде всего духовном, в нравственных ориентирах, историческом осмыслении своего пути. Но с учетом того, что Российская Федерация — многонациональное государство, речь должна идти об общероссийской задаче. Известные постулаты о православии, собирании земель и общинном коллективизме могут не найти понимания других этнических групп и элит ряда субъектов федерации.

Национальную идею надо искать на путях единого восприятия нашей общей истории без ультралиберальных и леворадикальных черно-белых красок, восстановления социальной справедливости, возрождения морали, осмысления места страны в мировом развитии.

«Русский мир» — это не только пространство, ограниченное нынешними границами Российской Федерации. Этот мир составляют также российские диаспоры и представители других этносов, разделяющие русскую культуру.

В широком плане «русский мир» — это энергия русской культуры, которая распространяется в мире автономно, подчас независимо от воли правительств. Такая энергия имеет огромный потенциал, и ее надо использовать в интересах России.

Л. А. НУДНЕНКО¹: — Накануне в выступлениях официальных представителей МИДа неоднократно прозвучало, думаю, уже забытое слово «сосуществование». На Ваш взгляд, возможен ли диалог культур, цивилизаций в условиях мирного сосуществования?

Е. М. АСТАХОВ: — Безусловно, возможен. В моем выступлении прозвучали резкие интонации, но я их допустил специально. Надо работать, вести диалог, определенную политику и использовать всю мощь государственного аппарата для реализации этой задачи. В реальной жизни в таком диалоге Россия зачастую находится «в обороне». Мы все время попадаем в западную терминологию «права человека» и «демократия». И мы все время оправдываемся и постоянно проигрываем все сражения, по меньшей мере, с 1973 г. Так и будет продолжаться, пока мы не внедрим свою национальную идею, не определим свои национальные интересы. В свое время нынешний вице-президент американской фармацевтической фирмы, а во времена Ельцина министр иностранных дел России А. В. Козырев спрашивал американцев: «В чем заключаются национальные интересы России?» Можете себе представить изумление американцев, которые услышали такой вопрос от министра иностранных дел России?

Когда мы говорим о диалоге, нужно осознавать, что реальная политика, реальные интересы не позволяют оставить недопонимание в общении.

Р. А. РОМАШОВ²: — Вы неоднократно говорили, что в России нет национальной идеи, но есть прагматические интересы государства.

И в то же время есть русское ментальное правосознание, «русскодумающие» люди (в том числе руководители государства), а значит, есть и некая национальная идея. Поясните, пожалуйста, эту мысль.

Е. М. АСТАХОВ: — Когда люди руководят государством, это вовсе не означает, что у них есть понятие «национальная идея». Совершенно не обязательно. А русскодумающий человек — это человек, который воспитан на русской классической литературе, на истории России и который думает и говорит по-русски: у него есть генетическая память.

На мой взгляд, попытка определить национальную идею Российской Федерации на путях, скажем, православия, не найдет понимания как минимум у 30 % населения нашей страны. Это бесперспективный путь. Надо искать некую общую, компромиссную национальную идею, которая устроила бы всех, чтобы уйти от либеральных, ультралиберальных и леворадикальных, ультралеворадикальных воззрений. Поэтому нужно найти в себе силы, мужество, если хотите, и проводить настоящую научную и политическую работу, с тем чтобы действительно определить, чего мы хотим, что нам делать и как объединить народ.

¹ Профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия (Москва), доктор юридических наук.

² Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук.